Коридоры власти

Юлий Гусман: Должно пройти время, чтобы у нас выросли цивилизованные буржуины с дипломами Гарварда

Мария Дементьева

– Как вы ощущаете себя в новом качестве депутата Государственной Думы?

– Препаршиво. Не в том смысле, что меня в Думе обижают, наоборот, я как бы, так сказать, новая микрозвездочка на небосклоне начинающих болтунов от политики. Но к депутатской деятельности я отношусь серьезно, а мой опыт врача, шоумена, кавээнщика оказывается важнее, чем законотворческое мастерство. В нашей фракции «Выбор России» или в «Яблоке», например, есть очень много умных людей – серьезных, глубоких юристов, экономистов, но они отчего-то никому не интересны. Интересны дуэль между мной и депутатом Марычевым, истерика Жириновского, эскапады Бабурина. Это – позорище, радости мало. И вообще вся эта атмосфера... Помню, когда я был маленький, в газетах появлялось множество карикатур Кукрыниксов, где изображались всякие там «поджигатели войны», – то Тито, то еще кто-то. Так вот, у этих персонажей на карикатурах были такие коротенькие ножки, огромная задница, и эти страшные существа бегали с факелами и хотели поджечь мир. Даю слово, когда я слышу выступления отдельных наших депутатов, мне начинает казаться, что у них вдруг делаются маленькие ножки, вырастает большая задница и в руках появляется факел, чтобы поджечь мир. То, что они позволяют себе говорить, бывает потрясающе безответственно. Например, Курилы не отдадим: ценой войны, или надо объединить Советский Союз назад, включая Прибалтику. Я, разумеется, тоже грущу о красавце Тбилиси, о моем родном Баку. Но между грустью и желанием людей сгонять палкой обратно в Союз все же есть разница. Я не люблю, когда вещи, за которые в мужской компании можно схлопотать по морде, произносятся в эфире. И ведь каждый депутат имеет право говорить что хочет, задавать любые, самые дурацкие и даже нетактичные вопросы...

Я был уверен, что буду таким полным козлодуем в лесах законодательной власти. А выяснилось, к сожалению, что умные и знающие в стране непрофессионалов редки. Вот при коммунистах, например, существовал принцип отбора. Отбирали только по серости, по послушности, и человек шел по этой кривой восхождения – райком, горком, партшкола. И тот, кто попадал на высшую ступень советской иерархической лестницы, особенно в догорбачевское время, за этот долгий путь успевал накопить множество специальных знаний. Кондово, но умел говорить, умел писать какие-то документы, справки. Словом, хоть что-то, пускай плохо, но знал. Мы это разрушили, и с улицы пришли люди, которые не знают самого элементарного. Вот в «Выборе России» работает один из самых талантливых людей, въедливо изучает каждый документ, каждую запятую, делает кучу очень толковых поправок. А ему кричат: «да хватит, уже пять раз выступал, чего там, один депутат - одна поправка». Всех волнует Дума как митинг, как арена битвы политических гладиаторов, и совершенно не волнует Дума как законодательный орган.

Возможно, я ошибаюсь, и пусть меня за это простят, но мне кажется, что мы еще не доросли до демократии. Всеобщее избирательное тайное равное право пришло во все демократические страны в результате длительного многовекового процесса. Существовали для участия в выборах цензы оседлости, имущественный, культурный. У нас же вся эта свобода свалилась на голову вдруг. Конечно, красиво, когда, как шубу с царского плеча, демократию просто подарили. Но, кажется, не все умеют этой новой ситуацией правильно пользоваться. Посмотрите, как наживаются наши отдельные демократические капиталисты, как порой ведет себя наша новая демократическая пресса. Словом, испытание демократией не все выдерживают.

– Ну и что делать?

– Мы не напрасно часто вспоминаем, что в свое время Моисей сорок лет водил свой народ по пустыне, чтобы вытравить из него рабство. Должно пройти время, прежде чем вырастут внуки людей, которые сегодня зарабатывают на левых фондах. Вот они и будут цивилизованными буржуинами и капиталистами с образованием Сорбонны и Гарварда, с привычкой принимать душ каждый день и держать вилку в левой руке. А пока мы имеем то правительство и тех новых собственников, которых заслуживаем. И надо их всемерно поддерживать, потому что процесс идет все равно в правильном направлении. Сейчас мы все испытываем шок свободы. Это нормально. Правда, к сожалению, шок свободы испытывают и наши руководители - бывшие коммунистические деятели. И они в растерянности: может, народу лучше из жалости, как собаке, хвост рубить медленнее? Другие освободившиеся страны уже ушли вперед, а мы все пытаемся жить под лозунгом социально защищенной рыночной экономики... Мы разрушили старую идеологию, а что на этом месте выросло? Ларьки, экстрасенсы, астрологи, летающие тарелки и все эти сумасшедшие жулики и проходимцы, о которых всерьез говорит центральное телевидение. Да навести порядок ничего не стоит. Как там у Ильфа и Петрова? Хватит болтать о чистоте, надо подметать. Но никто не подметает, все заняты. Кто деньги прячет за рубежом, кто торгует, кто кричит на митингах. А ведь нужно только приложить усилие. Мне иногда кажется, что я, например, на телевидении навел бы порядок за месяц.

– Как?

– Я бы навел порядок, получив только два картбланша. Чтобы я мог отменить любые договора. И принимать любые кадровые решения. Одна из проблем нашего ТВ, да и всей нашей культуры (это из-за присущих российскому обществу комплексов сверхполноценности и неполноценности) – отсутствие среднего вкуса, среднего фильма, среднего спектакля, средней книги, того, что называется бытовой культурой. Протопопа Аввакума читало гораздо больше народа, чем бреет подмышки. А на Западе получают бытовую культуру с детства с экрана телевидения. То есть у них школьники заканчивают школу неучами по сравнению с нашими, но с точки зрения правил игры в обществе они на более высоком уровне. У нас же с бытовой культурой очень плохо. Например, раньше я мог со спины узнать, где идет наша девушка, а где чужая, хотя наша могла быть одета во все фирменное. На нашей всегда печать ее неустроенного детства. Синих трусов с резинками и лифчика с пуговицами от папиных кальсон. И для меня тоже, например, всегда «мерседес» будет чужой. И хотя я такой как бы демократ, либерал, рыночный экономист, но могу сказать точно: сколько буду жить – останусь социалистическим человеком по убеждениям. Мне трудно представить, что вот этот – миллиардер, а этот – нищий. Я воспитан в той эпохе. Головой-то я понимаю, а вижу ларьки и сытые рожи в кожаных куртках с золотой цепью и, как вся страна, падаю в обморок. И это трагедия. Сейчас телевидению необходим нормальный средний вкус. Добиться, чтобы планка не падала, элементарно. Надо убрать с телевидения этих корейских проповедников, сумасшедших, которые сидят и говорят: иосахара, амарахира; убрать протестантские богослужения по двум каналам. Я говорю это не потому, что являюсь противником протестантизма, мне и равнина не нужно показывать по утрам. И еще я убрал бы всех этих астрологов, гадалок, жуликов и проходимцев. Показывал бы прекрасное советское, российское документальное кино, художественное. Его полно, хватит на столетия. Взял бы кино бывших соцстран, ведь есть тысячи картин, которые никто никогда не видел.

Дальше – реклама. Реклама нужна, но я бы уменьшил ее дозу и требовал сертификат от правительственных структур, подтверждающих правдивость этой рекламы. Как так может быть, что в одной передаче говорят: «GMM - это жулики», в другой – «GMM – нет проблем?» По одной программе говорят: «Нефтьалмазинвест – замечательно», по другой: «Они жулики». Какая мешанина появляется в головах у людей! Ведь это государственное телевидение, мы верим ему до сих пор. Кто за все это отвечает? Телевидение обязано проверять свою, пусть даже коммерческую информацию.

Вот у нас был Александр Николаевич Яковлев и рассказывал: на предмет коррупции мы проверили, ничего не нашли. А ведь коррупция ловится простой логикой здравого смысла. Когда я вижу там, на телевидении, продукцию, на мой взгляд, чудовищного качества, очевидно: кто-то заплатил. Например, договариваются: мы вам – рекламное время, вы нам – чудовищный сериал, а разницу в бабках – мне в карман. И на этом построено все телевидение. И ловить никого не надо, все предельно ясно. Нужно просто сказать: вам разрешаем, вам запрещаем. И не бояться ответственности.

– Ну а как после работы в Думе вам видится ваш Дом кино?

– Я прихожу сюда, в Дом кино, как в отпуск на Канарские острова. Прежде я был уверен, что наш секретариат Союза кинематографистов – последняя инстанция непрофессионализма, истерии, плохого поведения, хамства, обид и «наездов». Теперь же могу поклясться, что он одновременно синод, синклит и Нобелевский комитет вместе взятые, это ареопаг Леонард да Винчей разного масштаба. Я не хочу никак обидеть свою новую контору, но многие люди из тех, кто попал в Думу, пройдя митинговую борьбу, на мой взгляд, просто не совсем здоровы.

– По-моему, вам как-то теперь интереснее говорить про Думу, нежели про ваш родной Дом кино. Кажется, вы начинаете от него слегка отрываться.

– Совсем нет. Я – «многостаночник». Отношусь к тому типу людей, которым все интересно и они до старости остаются большими детьми. Таким был мой отец. Мне уже 50 лет, а не меняюсь. Меня хватает на многое: и марки собирал, и занимался 11 видами спорта, играл в бильярд, в карты и лобзиком выпиливал, выжигал по дереву. У меня очень бурный темперамент, мне лучше бром пить, чем водку. И Дом кино, эта структура, благодаря Виктору Мережко, моим скромным трудам, всей нашей команде, мне кажется, в полном порядке. Единственная проблема Дома кино – его финансирование. Я очень благодарен концерну «Олби», нашим меценатам. Но мы не можем зависеть от даже самой доброй воли самых замечательных людей. При этом не может и Дом кино, по нашему разумению, существовать как коммерческая структура. Кстати, наш Дом единственный, в котором за эти шесть лет не создали никаких шашлычных, казино, пунктов обмена валют – словом, ничего!

– Зато вашими стараниями появилась «Ника» – теперь самый престижный праздник кинематографистов, наряды к которому начинают готовить чуть ли не за год. Хотя, конечно, не обходится «Ника» и без упреков.

– Я считаю, что «Ника» значительно интереснее построена, чем «Оскар». «Оскар» строится как фешенебельный парад суперзвезд. Это замечательно, они для этого и собираются. А у нас получилось такое вот ироничное шоу. Мне всегда очень обидно, когда наши высоколобые критики, наши деятели кино начинают превозносить «Феликс» или фестиваль в Неоне (держу пари, ни один человек в стране не знает, где находится этот город), но, ах! фестиваль в Неоне! И на двух страницах в подробностях описываются фильмы, которых никто не видал. А то, что творится дома, интересует гораздо меньше.

Ну, а главное, в чем упрекали «Нику», это в голосовании, которое не отражает реальное состояние дел. И сколько мы ни меняли его за эти шесть лет, как только мы ни пытались придумать «формулу» приза, которая бы всех устроила, ничего не получается. Недовольны опять: тому дали много, этому недодали. Никто в мире в эти игры так активно и так зло не играет, потому что собираются на праздник. Да, еще вчера все ругались, спорили, а сегодня решили, и «суд» состоялся. И после этого уже нельзя обсуждать, что правильно, что нет. Это прежде всего неуважительно. И когда «Феликс» вручают и есть с решением жюри несогласные, то это несогласие людей, стоящих у подножия храма. Когда же вручают «Нику», несогласие бывает совсем иного рода. Для нас характерно неуважение к мнению товарищей, неуважение к мнению киносообщества. Это – болезнь маленьких людей. А ведь многое, что мы умеем, духовный потенциал нации и наших деятелей культуры, кинематографистов, их знания часто превосходят многих на Западе. Наши театральные режиссеры, если брать не только Бродвей, а все остальные театры, на голову выше, чем в Америке. Хотя актеры наши, конечно, сильно отстали от современной техники. Актер драматический, как правило, петь не может. Караченцов, Гурченко – исключения из правил.

– Кажется, в вас заговорил театральный режиссер, худрук Бакинского театра музкомедии. Кстати, вы совсем распростились с театральной режиссурой?

– Да, я действительно этим увлекался. Кроме Баку, я и в Америке поставил четыре спектакля, ставил в Японии. Очень много времени провел в компании Марка Розовского и Юрия Ряшенцева, они мои крестные отцы или, скажем, крестные братья в мюзикле. Думаю, что могу лучше всех поставить мюзикл и сейчас. Хотел у Марка Розовского сделать замечательный мюзикл, который пока в Москве не поставлен - это «Милый друг» по Мопассану. Правда, для этого нужны были гигантские организационно-материальные усилия. И все равно я мечтаю что-нибудь поставить в Москве. Правда, однажды начал ставить в театре Сатиры с Ширвиндтом спектакль по прекрасному мюзиклу «Свадьба Кречинского» Колкера. И все шло замечательно. Однако чем больше меня начинал любить коллектив, тем хуже ко мне относился худрук театра. У меня такая проблема бывала не раз...

А Дума на меня повлияла. Утвердила в той банальной мысли, что лучше нашей профессии – актера, режиссера, критика, журналиста, инженера– нет. Политика – такое несчастное грязное дело, по крайней мере в нашей стране. И, мне кажется, для меня не было и нет более счастливых моментов, чем те, когда я ставил спектакли, снимал фильм, играл в КВН или делал «Нику». В Думе пока у меня не было ни одной минуты ощущения вдохновения и счастья.

– А, может быть, зря вы там теряете время, лучше бросить все это?

– О нет. С этим я не согласен. Я «селфмейдмешин» – самообучающаяся машина. Это мои университеты. Мне в Думе безумно интересно. Понимаете, это как... Вот такой человек, Ливингстон, ходит по Африке 20 лет. У него в Англии роскошный замок, а он сидит в джунглях, где обезьяны, змеи. Он по пояс в воде, кругом грязь, муха цеце летает. Наверное, лучше жить в замке, но этот человек –исследователь. Не хочу, упаси Бог, назвать Думу джунглями, а Жириновского – мухой цеце, но мне все это наблюдать и исследовать безумно интересно. А что касается потери времени... Сейчас я иногда выступаю в Думе, даю отпор «наездам», вы знаете о всех этих байках. Говорю, что, как врач, возглавляю независимую группу психиатров. Закончим ставить диагноз и скоро начнем лечить. Там много чего веселого происходит. Но это грустное веселье. У каждого дела есть свои жанровые характеристики. Не хотелось бы мне превратиться в такого «Жириновского от демократической фракции».

– Есть опасность?

– Ну просто я пытаюсь с ними как-то «воевать», и получаются два клоуна. Белый Пьеро и рыжий Арлекин. Это уже, впрочем, не политика. Да ладно, что о грустном говорить. Здравый смысл – единственное, что может нас вывести на столбовую дорогу. Я убежден в светлом будущем нашей великой родины. И запишите: жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне (точно!), ни, скорее всего, тебе. Увы!

«Мне в Думе интересно. Понимаете, это как... Вот такой человек Ливингстон, ходит по Африке 20 лет. У него в Англии роскошный замок, а он сидит в джунглях, где обезьяны, змеи. Он по пояс в воде, кругом грязь, муха цеце летает. Наверное, лучше жить в замке, но этот человек исследователь. Не хочу, упаси Бог, назвать Думу джунглями, а Жириновского – мухой цеце, но мне все это наблюдать и исследовать безумно интересно.»

Сегодня. – 1994. – 12 апр. – с. 10.